

официального оппонента на диссертацию Ананьева Дениса Анатольевича «Англо- и немецкоязычная историография истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

Вопросы изучения зарубежного опыта исследований истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки актуальны, как минимум, с трех позиций.

Во-первых, само понятие «русская школа» (*Ecole russe*) появилось во французской исторической науке в XIX веке на основе осознания непохожести наработок российских историков с тем, что делали их зарубежные коллеги. Сравнение различного опыта проведения научных изысканий оказывалось весьма полезной практикой и способствовало взаимному содержательному обогащению исторической науки, развитию методов и практик историописания. Очевидно, что и в современном мире процессы развития науки не могут протекать обособленно, замыкаться лишь на собственные традиции, «национальные» научные центры или наработки, пусть и очень талантливых, но все же отдельных исследователей. Сама логика приращения знания требует кооперации и оценки того, что было сделано другими. Данное обстоятельство задает общую историографическую актуальность темы диссертации.

Во-вторых, сравнение результатов проведенных исторических исследований по теме работы способствует не только осознанию собственных достижений, но и выявлению недостатков как в отечественном, так и в зарубежном сибиреведении. Значительная часть диссертация выдержана в жанре так называемой проблемной историографии, которая концентрируется вокруг многочисленных отдельных проблем изучения истории Сибири и Дальнего Востока. Выбранный автором хронологический период охватывает широкую проблемную панораму тем и сюжетов, которые остаются за рамками анализа общих тенденций развития исторической науки, изучения концепций влиятельных зарубежных историков. При всем своеобразии проблемной историографии как жанра исследований, необходимо признать, что она позволяет дифференцированно подходить к оценке накопленного зарубежного опыта, показывая, как его несомненные достоинства, связанные с применением и адаптацией известных концептуальных практик (теория колонизации, концепция фронта Тёрнера и др.), так и демонстрируя эвристические пределы и проблемы применения наработок зарубежных коллег на историческом материале истории Сибири и Дальнего Востока рубежа XIX – начала XX вв. Несомненно, что такая работа может придать дальнейший импульс отечественным научным исследованиям.

В-третьих, в зарубежной науке сохраняются определенные перцепции восприятия российской истории, символическим олицетворением которых в свое время было известное словосочетание «развесистая клюква». В этом смысле актуальность обращения автора к заявленной теме сомнений не вызывает.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с данной работой, – это обширность ее замысла. Автор стремится охватить весь спектр исследований англо- и немецкоязычных историков по очень широким хронологическим и предметно-неоднородным историографическим рамкам. Казалось бы, это может привести к некоторой поверхности и тенденциозности суждений в основной части диссертации, но знакомство с перечнем источников и литературы, список которых суммарно насчитывает 1110 наименований, позволяет заключить, что автор имел основания именно таким образом формулировать название своего сочинения.

Вводный раздел диссертационного исследования характеризуется присутствием необходимых и достаточных квалификационных признаков и оставляет общее положительное впечатление в отношении авторской рефлексии по поводу проделанной работы. Из положительных моментов особенно хочется выделить достаточно глубокое погружение автора в источниковедческие проблемы современной историографии. На мой взгляд, этот раздел работы (с.58-86) имеет самостоятельное научное значение. Необходимо акцентировать внимание на том, что общепризнанной классификации историографических источников в отечественной науке сегодня не существует. В 1960-1970 гг. источниковедение отталкивалось от классификации видов и типов источников, выделенных С. О. Шмидтом и адаптированной к историографической проблематике Л. Н. Пушкаревым. Однако в основе классификации находились источники по отечественной истории. Необходимость дальнейшей работы по историографическому источниковедению была продемонстрирована уже в 1970 гг. в исследованиях И. Д. Ковальченко, О. М. Медушевой, М. В. Нечкиной, А. И. Зевелева и других известных историков. В российской науке все чаще применяется классификация, предложенная в 2015 году исследователями из РГГУ и ВШЭ под руководством С. И. Маловичко, также неоднозначно воспринимаемая современным историографическим сообществом. В этих условиях Д. А. Ананьев умело ориентируется в разных классификациях, корректно показывает собственное отношение к ним и не дистанцируется от таких сложных историографических проблем, как дискуссия об историографических фактах и историографических источниках. В этом разделе автор проявляет себя не просто как сторонний наблюдатель, корректно подмечающий темпоральные характеристики предмета споров у разных ученых, но и как участник дискуссий, способный дать свое видение различных аспектов историографического источниковедения. Это безусловный показатель научной зрелости и квалификации.

Нечто подобное можно сказать и в отношении теоретико-методологической части исследования. Автор свободно ориентируется в современных тенденциях развития науки, демонстрирует высокий уровень эрудиции в отношении методологии и современных практик историописания, отмечает растущее воздействие междисциплинарного комплекса исследований на историческую науку (с.88). Д. А. Ананьев проявляет обоснованный интерес к таким теоретическим подходам как формирование новой интеллектуальной истории, антропологическому и лингвистическому поворотам, постмодернистскому вызову в контексте эволюции современной историографии. При этом, автор стремится

выстроить свою работу на стыке интеллектуальной и новой культурной истории. Такой теоретико-методологический синтез должен сопровождаться верификацией гипотезы работы на вполне определенном конкретно-историческом материале и вовсе не исключает применения традиционных методов исторического и историографического анализа. Данный авторский подход не может вызвать существенных возражений.

Из некоторых проблемных мест этого раздела введения можно отметить слабый интерес к новой политической истории, а она также способствовала сдвигу в изучении от истории фактов и событий к истории контекстов и состояний. Тем более, что М. фон Хаген и Дж. Бурбанк в 1990-2000 гг. были частыми гостями в Сибири, а новая имперская история с новой политической историей имеет не меньше связей, чем кризис зарубежной советологии в конце XX в. Можно отметить и несколько формальное отношение к таким терминам, как «школа», «течение», «направление». Анализ двух из перечисленных категорий в работе присутствует на с.14-15 автореферата и с. 86-87 диссертации, но он проявляется в простом разведении этих понятий во введении и не содержит сносок. Между тем, эта группа категорий, начиная с работ Е. В. Гутновой, стала довольно востребованным инструментом для оценки и анализа историографических тенденций, а кроме того, способствовала развитию схолярных исследований в качестве самостоятельной научной проблемы. Недостаточный интерес к анализу признаков и исторических особенностей научных сообществ проявляется в дальнейшем в свободном использовании концепта «научная школа» в основной части работы, когда этот термин «школа» выступает синонимом любого научного коллектива. Так, например, автор пишет об омской историографической школе, школе в Беркли (с.54-55), научно-педагогической школе (с.68) безотносительно анализа и обоснования признаков данных сообществ.

Что касается историографического раздела, то здесь при авторской декомпозиции предмета, охватывающего всю англо- и немецкоязычную науку, Д. А. Ананьева легко упрекнуть в неполноте охвата ряда тем и имен. Например, можно было бы уделить более пристальное внимание работам профессора К.А. Мэннинга по Русской Америке. В шестой главе диссертации его работы упоминаются фрагментарно, а он был довольно крупный специалист по проблемам американской экспансии; целесообразно было бы привлечь работы Английской школы международных отношений по колониальной теории при характеристике современных трактовок колониальной политики. Представители данной школы первого поколения совершенно осознанно выводили колониальную политику за рамки ведущих процессов общественно-политического развития; в оценке немецкой историографии после Второй мировой войны напрашивается сравнение между тенденциями развития исторической науки в ГДР и ФРГ по заявленной проблематике. Ведь у восточногерманских историков возможностей для знакомства с источниками, научных командировок в Сибирь, обмена опытом по изучению, Дальнего Востока и Русской Америки было несоизмеримо больше, чем у их западно-немецких или австрийских коллег. Кроме того, были даже весьма интересные совместные научные проекты, непосредственно затрагивающие

проблематику работы. Так, в 1977 году была опубликована монография ученых СССР и ГДР «Школы в науке», посвященная теоретико- методологическим аспектам изучения школ. Но в целом, нельзя не признать достаточность источниковой и историографической базы для проведения исследования, а отмеченные «лакуны» можно рассматривать в качестве возможных направлений для дальнейшего изучения темы.

Первая глава диссертации представляется «несущей» в историографическом замысле исследования. Поэтому, остановимся на ее анализе подробнее, чем на остальных главах диссертации. Глава отражает попытку выявить и проанализировать институциональные основы зарубежного сибиреведения, тем самым, задает общую историографическую канву для «прикладной» части работы, где анализируются отдельные проблемы изучения истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Сама по себе задача выявления основ развития исторического знания в разных государствах очень амбициозна. Она предполагает высокий уровень общей научной культуры исследователя и глубокое погружение не только в непосредственный материал своей темы, но и серьезное знание организации зарубежной науки, истории развития отдельных научных центров, репрезентативную выборку имен и работ ученых в масштабах страны.

Понятно, что развитие исторической науки в разных государствах имело свою специфику и существенно изменялось со временем. Именно данными обстоятельствами было обусловлено разведение анализа английской и американской науки в отечественной историографии 1950-1970 гг. Так, допустим только в Великобритании в 1960 гг. возникает целая сеть так называемых «новых университетов», которые быстро составили конкуренцию университетам «классическим» и существенно изменили образовательный ландшафт Соединенного королевства. Параллельно формировались прикладные научные центры, где также проводились серьезные исторические исследования. Достаточно в этом отношении вспомнить роль Чатем Хауза, созданного историками после Первой мировой войны, и сегодня играющего существенную роль в международном экспертном сообществе; либо Лондонскую школу экономики и политических наук, где происходило становление социологии и политологии в стране. Уже во второй половине XIX века в Великобритании возникают и первые ассоциации историков, играющие заметную роль в объединении разрозненных исторических центров. В 1868 году возникло Королевское историческое общество, объединившееся в 1897 году с Кэмденовским обществом. Помимо этого, в 1906 году была создана Историческая ассоциация, также претендующая на роль профессиональной площадки историков в масштабе всей страны. Вторая половина XX века была отмечена появлением более узких общенациональных профессиональных ассоциаций.

В США в институциональные основы развития исторической науки определялись иными факторами. Помимо 8 знаменитых частных университетов (Гарвардский, Корнельский, Йельский, Принстонский, Колумбийский и другие), входящих в «Лигу плюща», существенную поддержку по собиранию документов, покупке архивов и библиотек оказывало правительство. Та же Библиотека

Конгресса была основана еще в 1800 году и финансировалась отнюдь не филантропическими обществами. Эта помощь несоизмерима больше, чем та роль, какую сыграли историки-эмигранты в привлечении внимания к проблемам изучения России. В XX веке в ведущих американских университетах формируются автономные сводные коллекции документов, в том числе и по истории России. Например, коллекция исторических документов правовой школы Йельского университета. В дальнейшем, в 1959 году создается международный консорциум, в который объединяются несколько банков данных ведущих американских университетов, где присутствовали и коллекции документов по истории России. Сегодня они «оцифрованы» и, таким образом, сформировался некоторый общий круг чтения, определяющий объективные возможности американского сибиреведения. Данная страноведческая специфика, мне показалась, находится за рамками авторского интереса, который сконцентрирован на выявлении ведущих центров и причин изучения истории Сибири в них. В целом, несмотря на известное редуцирование национальной специфики организации зарубежной исторической науки Д.А. Ананьеву удается в этой главе выявить и показать основные научные центры по заявленной проблематике, что позволяет говорить об общей состоятельности данного раздела.

Вопросы касаются как раз того, а что это были за центры и качественных характеристик научных сообществ по изучению Сибири и Дальнего Востока. Допустим, площадки, возникшие вокруг отдельных лидеров и энтузиастов, как правило, недолговечные. В лучшем случае они существуют одно - два поколения. Бывают и научные центры вокруг крупных ученых, которые не получают развития – например, А. Тойнби не создал научной школы. Научные школы могут как совпадать с университетом, кафедрой, иной формальной площадкой, так и находится за их рамками. В этом смысле насколько единство научной и педагогической деятельности является признаком научной школы, оправданно ли автоматическое отнесение отдельных семинаров и групп единомышленников к научным школам? Строгая предметная и дисциплинарная специализация, например, интерес к истории России, обеспечивает кооперацию ученых, но может рассматриваться и препятствием для развития междисциплинарных подходов в области сибиреведения. Следовало бы уделить внимание и оценке эволюции отдельных сообществ, раз они стали складываться с 1910-1930-х гг. но до 1950-середины 1970-х были слабо формализованными. Насколько изучение Сибири было автономным от изучения истории России: это самостоятельное направление, как об этом заявляется в положениях, выносимых на защиту, или это часть, так называемой россики? Такие вопросы напрашиваются при анализе институциональных основ формирования сибиреведческих исследований в зарубежной науке. Они подчеркивают качество изучения «сибирской» проблематики в зарубежной науке.

Второй параграф этой главы, посвященный попытке реконструкции источниковой основы, характерной для зарубежного изучения Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, также представляет несомненный научный интерес. Часто качество и глубина оценок историков с объективной стороны

предопределяется имеющимися в их распоряжении источниками. Мы все это хорошо сознаем. Скудость источниковой базы ведет к излишней опоре на вторичные исторические материалы, но и чрезмерное знание первоисточников не уберегает от ряда ошибок, например, от подмены сущностного анализа исторической проблемы нарративным погружением в детали. В этой связи Д. А. Ананьев предпринял интересную и оригинальную попытку воссоздать комплексную источниковую картину, которая позволит оценить объективную основу исследований в зарубежном сибиреведении. Несколько настораживает в этом разделе то обстоятельство, что даже при имеющихся в наличии исторических свидетельствах у каждого историка своя источниковая база. Она задается не только имеющимися в распоряжении материалами, но и временем, целями проводимого исследования и иными причинами. Однако, в целом данный параграф показывает подход, свидетельствующий не только об историографической новизне работы, но и о готовности Д. А. Ананьева проводить самостоятельный источниковедческий анализ при работе с концепциями зарубежных историков.

Несколько небесспорным показался третий параграф, где представлена общая характеристика теоретико-методологических подходов, свойственных современной зарубежной исторической науке, которые по мнению Д. А. Ананьева определяли изучение темы. Во-первых, создается впечатление, что есть некий набор заданных теоретических координат изучения макроисторических процессов и явлений, в котором специалисты, анализирующие отдельные проблемы истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, могут найти опору своим рассуждениям. Думается, что здесь есть некоторая несогласованность между теоретико-методологической и конкретно-исторической составляющими в проведении исторических изысканий. Теоретические идеи возникают как результат обобщения проводимых эмпирических исследований и не существуют в отрыве от них. Теория исторического познания и развития направлена на обобщение исследовательской практики, выявление объективных закономерностей и учет особенностей при анализе отдельных тем. Поэтому, теория колонизации, концепции модернизации, новая имперская история – это не просто набор заданных концептов для адаптации на конкретных примерах истории Сибири, Дальнего Востока, но сами эти гипотезы формировались и развивались под влиянием вполне определенных зарубежных эмпирических исследований. Их перенесение на иной исторический материал нуждается в обосновании, критике и должно осуществляться с учетом специфики конкретно-исторического контекста. Механическое перенесение таких гипотез, как и адаптация теоретических концепций зарубежных историков в отрыве от эмпирической основы может вести к снижению эвристической ценности самой теории.

Во-вторых, анализируемые теоретические подходы характеризуются известным внутренним многообразием. Та же теория модернизации существует в нескольких десятках вариантах: от экономических концепций Дж. Гэлбрейта и Ю. Растоу до работ М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, С. Хантингтона. Тогда возникает вопрос, какой из вариантов теории модернизации адаптировали отдельные историки, занимающиеся Сибирью? В-третьих, понимая обширность

охвата всего многообразия теоретико-методологических подходов в зарубежной науке Д. А. Ананьев несколько свободно употребляет термины парадигма, подход, направление (с.164) в качестве категориальной основы их анализа. Таким образом, разделение теоретико-методологической и конкретно-исторической составляющих в анализе концепций зарубежных историков редуцирует единство их взглядов, что не всегда дает возможность соотнести по тексту методологию и результаты эмпирического анализа проблемы конкретным исследователем.

Вторая и третья главы диссертации посвящены изучению широкого круга проблем истории Сибири, разделенных по предметному признаку на вопросы общественно-политического и социально-экономического развития. Среди наиболее интересных историографических аспектов изучения в зарубежной науке можно отметить развитие таких тем, как историческая пенология (с.201-209), вопросы повседневности и гендерной деконструкции истории сибирской ссылки. Присутствуют и вполне традиционные сюжеты, которые также волнуют зарубежных историков – областничество, система управления краем, роль общины в повседневной жизни Сибири. Примечательно, что подчеркивая негативный опыт сибирской экспансии, зарубежные историки сходятся в том, что в управлении Сибирью удалось выстроить достаточно эффективную модель администрирования. Поэтому, при ограниченной возможности использования теории колонизации и фронта на сибирском материале в современных исследованиях применяется антропологический подход к деятельности М. М. Сперанского, ряда губернаторов Сибири и Дальнего Востока. А вот новая имперская история рассматривается Д. А. Ананьевым как вариант адаптации конструктивистского подхода, а не новой политической истории (с.172). Постколониальный дискурс к изучению общественно-политической истории автор считает проявлением современного постмодернизма (с.175), а не самостоятельным исследовательским подходом. При некоторой дискуссионности подобных оценок с ними все же можно и согласиться.

В области анализа процессов социально-экономического развития центральный вывод Д. А. Ананьева представляется в том, что зарубежные историки идут вслед за отечественными специалистами в изучении аграрной истории края. Это объясняется слабым доступом к источникам массового характера. Примечательно, что и оценки зарубежных историков проверяются автором диссертации сквозь призму работ отечественных специалистов. Отсюда и интерес представителей зарубежной науки к тематике социально-экономического развития Сибири вполне традиционен. Это темы переселенческой политики, эволюции крестьянской общины. Здесь тоже есть свои плюсы. Так, зарубежные историки больше не видят в истории Сибири только результат ссылки, напротив, признают крестьянскую колонизацию и переселенческую политику в качестве основных «инструментов» освоения края. Мне показалось, что в зарубежной науке, судя по анализируемым исследованиям, почти не присутствует интерес к развитию сибирского города в пореформенный период и в начале XX века, хотя роль и место строительства Транссибирской железной дороги активно изучается за рубежом.

Социальная история Сибири должна включать новые массивы данных, статистику, в чем зарубежные коллеги по-прежнему ограничены. Отсюда новые

аспекты социально-экономических процессов истории Сибири связаны с адаптацией новых идей и подходов, а не с развитием источниковой базы. Например, появился устойчивый интерес к анализу специфических видов идентичности, формировавшихся под влиянием ссылки. В ряде иных работ присутствует осмысление истории Сибири как специфического социального пространства. С этой точки зрения, история освоения края трактуется не как итог государственной политики колонизации, а как результат формирования местного общества, что позволяет очертить проблемы внутреннего развития Сибири по отношению к имперскому центру (с.322-330). В этой связи представляется обоснованным и тезис на с. 313 о том, что в зарубежном сибиреведении постепенно намечается переход от анализа социальных структур и государственной политики к изучению культурных практик в области социальной истории Сибири.

Четвертая глава, посвященная историографическому анализу истории российского Дальнего Востока, примечательна в том отношении, что показывает определенное отличие в предмете изучения данного региона с аналогичным периодом истории Сибири. Если предмет изучения истории Сибири задается в первую очередь внутренней проблематикой, то история развития данного региона в представлении зарубежных историков ближе к политике внешней. Этим объясняется и главный, на мой взгляд, вывод главы. Он состоит в том, что дальневосточное направление политики способствовало превращению России в тихоокеанскую державу, что в конечном счете обусловило смену внешнеполитического вектора с северо-восточного направления на юго-восточное, способствовало участию в колониальном разделе Китая и привело к Русско-японской войне 1904–1905 гг.(с.393-397). Такой подход отражает не до конца изжитые переживания в зарубежной науке по поводу колониальной политики и мешает принять историю освоения российского Дальнего Востока как фактора внутренней истории страны.

Как и в случае со второй и третьей главами диссертации, в данном разделе небольшие замечания касаются частных суждений и оценок, а в целом, Д. А. Ананьев демонстрирует хорошие знания не только историографических источников, но конкретно-исторического материала. Например, небезынтересным показался анализ зарубежных работ по проблемам китайской и корейской этнической миграции на Дальний Восток (с.451-457), экологическим аспектам колонизации (с. 462-463), штрафной колонизации Сахалина как провала имперской политики модернизации острова (с.464-467), таможенному контролю в торговле с Китаем. В качестве недочетов можно отметить несколько странную классификацию причин Русско-японской войны в интерпретации американского историка А. Малоземова. На с. 398 автор пишет о традиционной и о традиционной российской трактовках ее происхождения. То, что это разные подходы из текста ясно, но были ли иные объяснения помимо традиционных. Видимо, здесь должны быть какие-то пояснения. На с. 182 есть несколько странное утверждение о том, что «по мнению М. Раева, реформы 1860-1870-х гг. дополнили бюрократическую систему новыми институтами, что способствовало постепенному сближению концепций полицейского и правового государства». Представляется, что сблизить

эти доктрины сложно, но думается, что эта фраза - следствие обилия анализируемого материала и не всегда удачных отдельных формулировок.

Последняя глава работы посвящена историографической оценке истории Русской Америки в работах зарубежных специалистов и предметно задается не только логикой развития исторических исследований, но и исторической памятью, что по вполне понятным причинам характерно в большей степени для США. Научную основу работы составляют темы анализа причин продвижения русских в Америку, отношений с местным населением, процесс продажи Аляски. Определенные стереотипы общественного сознания, как и в России, проявляются вокруг договора о купле-продаже Аляски, что находит выражение в изучении парламентского расследования на предмет коррупции при осуществлении сделки и в отдельных оценках историков. В целом, современные подходы к этому сюжету характеризует оценка У. Л. Блэквелла и Г. Шевиньи о том, что продажа Аляски – это не избавление от бремени перед лицом неизбежного установления британского или американского господства в регионе, но трагедия ошибок, в которой каждая из сторон не смогла правильно оценить потенциал и намерения другой, и обе печальным образом недооценивали ту территорию, из-за которой вели торг (с.502). Заключение работы адекватно отражает полученные результаты.

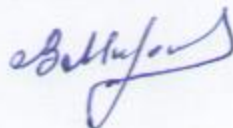
Отмеченные замечания не снижают общей положительной оценки работы и носят частный характер. Авторские выводы аргументированы и не вызывают принципиальных возражений. Диссертация является основательным, самостоятельным, законченным исследованием. Материалы диссертации и полученные выводы могут быть использованы при подготовке научных работ и учебных курсов по вопросам истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, зарубежной историографии, а также для дальнейших научных исследований.

Ключевые положения, выносимые на защиту, обоснованы и апробированы в 50 публикациях, из которых 23 публикации по теме исследования входят в перечень рецензируемых изданий списка ВАК, из них 4 в рецензируемых журналах, входящих в Web of Science и Scopus, монографии и нашли отражение в выступлениях на научных отечественных и международных конференциях. Публикации автора и автореферат в полной мере отражают содержание диссертации.

Диссертация Ананьева Дениса Анатольевича «Англо- и немецкоязычная историография Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в. соответствует требованиям пунктов 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01.10.2018 г.), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Официальный оппонент
профессор кафедры истории и теории

международных отношений федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
(644077, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А;
(3812) 670104; <https://omsu.ru>; rector@omsu.ru),
доктор исторических наук
(07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования),
доцент

Миронов Виктор Владимирович

12.05.2023 г.

Подпись Миронова В.В. заверяю
Специалист по КР Тихомиров К.С.

